

«ПОЧЕМУ ОДНИ ЛЮДИ НЕ ЕДЯТ ДРУГИХ», ИЛИ ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ СОЦИОЛОГИЯ. ИНТЕРВЬЮ С Б. В. ДУБИНЫМ

И.Б. Фан

Б.В. Дубин (1946, Москва) – руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центра»).

Б.В. Дубин – автор многочисленных публикаций на русском и ряде иностранных языков, в том числе монографий: «Литература как социальный институт» (1994, в соавторстве с Л. Д. Гудковым), «Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях» (1995, в соавторстве с Л. Гудковым, переизд. 2008), «Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры» (2001), «Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры» (2004), «На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке» (2005), «Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки» (2007), «Проблема „элиты“ в современной России» (2007, в соавторстве с Л. Гудковым и Ю. Левадой, переизд. 2008). Весьма внушителен перечень изданий, в которых опубликованы статьи Б.В. Дубина, радио и телеканалов, на которых состоялись его публичные выступления: «Вестник общественного мнения», «Социологический журнал», «Pro et

Contra», «Новое литературное обозрение», «Критическая масса», «Неприкосновенный запас», «Иностранная литература», «Знамя», «Отечественные записки», «Синий диван», «Индекс. Досье на цензуру», «Знание – сила», «Огонек», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Эхо Москвы», «4 канал», «Радио Свобода» и др.

10-11 апреля 2008 г. в Екатеринбурге в Гуманитарном университете проходила XI Всероссийская научно-практическая конференция «Современная Россия: путь к миру – путь к себе». Помимо сделанного на пленарном заседании доклада «Россия и мир в мнениях и оценках россиян», вызвавшем чрезвычайный интерес участников конференции, Б.В. Дубин совместно с Л.Д. Гудковым прочитал лекцию на тему «Человек и культура в посттоталитарном обществе» для студентов и преподавателей университета, выступал на «круглом столе», секциях, на телевидении, интенсивно общался с общественностью и журналистами. Уральская и российская публика, ранее знакомая с Борисом Владимировичем лишь по публикациям, открыла его для себя еще и вживую как интереснейшего, глубоко эрудированного специалиста, прекрасного оратора и обаятельного человека. Б.В. Дубин идет нетрадиционным для ученого путем, двигаясь не по ступеням академических степеней и званий, а от одного исследовательского проекта к другому, через выдвижение гипотез, их проверку и углубление знания о собственном обществе. Б.В. Дубин публичный человек, активно участвующий во многих научных, общественно-политических и культурных проектах. Он является членом жюри премии имени А. Сахарова «За журналистику как поступок», премии Андрея Белого, сотрудничает с Фондом «Либеральная миссия» и Фондом Карнеги, рядом европейских и российских вузов, в частности, Институтом Европейских культур. Теоретическую и практическую работу социолога он сочетает с литературным

творчеством, публицистикой, журналистикой, правозащитной деятельностью, переводами произведений западноевропейской научной и художественной литературы, литературной критикой, библиотечным делом, Интернет-проектами, разработкой оригинальных образовательных программ.

- Борис Владимирович, расскажите немного о себе – о родителях, как стали социологом, как пришли в «Левада-Центр»?

- Я – москвич в первом поколении. Мои родители родом из деревни, отец – с Украины, мать из-под Саратова. Оба они медики, познакомились и поженились на Дальнем Востоке. Затем переехали в Москву, где я и родился. По образованию я филолог, правда, филолог не полноценный. В 1965 г. я поступил на экспериментальное отделение филологического факультета МГУ «Русский язык за рубежом». Предполагалось, что на этом отделении будут готовить филологов-прикладников для обучения русскому языку и литературе студентов той или иной дружественной Советскому Союзу страны Азии, Африки или Латинской Америки на языке данной страны. Но почти сразу же нас переквалифицировали – набрали французскую группу и обучали по только что сконструированной программе, отличающейся от типовой программы для филологов. Древняя литература нам давалась в малом объеме, у нас не было фольклора, некоторых лингвистических дисциплин, зато присутствовали объемные курсы страноведения и французского языка. Однако под распределение - в Марокко, Алжир, Тунис или Сенегал я не попал, поскольку во времена моей университетской учебы я оказался в числе идеологически неблагонадежных студентов, и получил вольный диплом.

Начал я работать в библиотеке им. В.И. Ленина в 1970 г. библиотекарем в отделе хранения – подбирал литературу по читательским требованиям и отправлял ее в читальные залы, потом принимал обратно. С начала 1972 г. я оказался в научно-исследовательском отделе библиотеки и начал заниматься социологией чтения и читательских интересов. Так и начиналась социология в моей жизни. Осваивал

ее я, как и большинство в этот период, самоучкой, пришлось самостоятельно (отчасти – по первым появившимся пособиям, отчасти – с помощью окружающих), учиться всему – делать анкеты, строить графики, считать таблицы, опрашивать людей и т.д. Однажды, зимой 1973-1974 г., я проводил опрос о чтении и пользовании библиотекой и в одной из деревень Свердловской области.

В 1977 г. в наш отдел пришел Лев Гудков. С ним и несколькими сверстниками мы взялись за проект по социологии литературы. Так я стал двигаться в сторону социологической теории. В последующие годы мы занимались социологическими исследованиями в нескольких организациях. В 1988 г. руководство Всесоюзного ЦИОМа (Т.И. Заславская, Б.А. Грушин) пригласило заведовать отделом теории Ю.А. Леваду, который собрал своих прежних сотрудников и меня вместе с ними у себя в отделе. Затем центр стал Всероссийским. В 2004 г. был образован Левада-Центр. Исходный состав людей в нем во многом сохранился – по крайней мере, все, кто начинал работу с Ю.А. Левадой, остались. В прошлом году мы отмечали 20-летие нашего коллектива, выпустив к юбилею большую книгу избранных статей, опубликованных за все время его существования, она называется «Общественный разлом и рождение новой социологии: Двадцать лет мониторинга». Мы очень гордимся тем коллективом, который сложился в результате всего нашего пути. Его создание – во многом заслуга самого Ю.А. Левады, но также каждого из его членов, приносившего свои идеи и силы в выдвижение и реализацию исследовательских проектов центра. Нам всем интересно работать вместе друг с другом и заниматься тем, чем мы занимаемся.

Параллельно с этим шла моя литературная работа. С 1970 г. я занимался переводами сначала поэзии, а затем и прозы. Жизнь делилась на две части, одну из них составляла переводческая работа, а другую – социологическая, околосопроводительная, околосопроводительная деятельность, а также изложение на бумаге каких-то собственных соображений по поводу литературы. Это трудно определить

одним словом: одна моя рука была социологическая, другая – околелитературная. Я пытался осмыслить то, что переводил сам или создавали мои коллеги-переводчики, писал о том, о чем мне было интересно писать. Я не могу назвать себя писателем, скорее, я литератор, который занимается разными вещами, связанными с литературой. Это не совсем литература и не философия, а нечто малопонятное. Даже после ухода из библиотеки им. Ленина остался старый замысел, связанный с литературой. Л.Д. Гудков и я продолжаем заниматься социологией культуры, чтения, книжного дела, хотя и в меньшей степени, чем раньше.

Так сложилась моя исследовательская жизнь. Я никогда не защищал диссертаций. С молодых лет я был в несколько маргинальной позиции по отношению и к академическому сообществу, и к господствующей идеологии, и к литературному мейнстриму. Мне всегда было интересно заниматься тем, что на краю, для чего нет стандарта, стереотипа. При этом я понимаю «готовые» вещи, но мне интересно делать нечто неожиданное, мои пристрастия связаны с такими предметами или занятиями, когда результат заранее неизвестен, не предопределен.

- С каких языков Вы переводили поэзию и прозу?

- Я не могу сказать, что знаю много языков, за исключением французского, которым владею если не лучше, то увереннее, чем другими: преподаватели языка в МГУ были отличные. Правда, раньше практики было мало, но потом, в девяностые, появилась возможность выезжать за рубеж, я начал более активно использовать французский. И все-таки живой язык я уже потерял. А остальные языки я изучал сам, осваивая их через ту литературу, которую читал и переводил, особенно, через стихи. Это не совсем то, что требуется, чтобы знать язык. В основном я работаю с литературным языком, перевожу с английского, французского, испанского, португальского, итальянского и польского языков. Переводил я не только художественные произведения – стихи, прозу, эссе, принадлежащие поэтам и писателям, но и философскую эссеистику,

немного – работы по социологии культуры, литературы, писательские размышления. Самая большая моя работа, которая заняла чуть ли не четверть века, это Борхес – стихи, проза, эссе. Сначала был один томик, потом, опять-таки лишь в девяностые, появились трехтомник и даже четырехтомник. Затем я сам стал писать о нем. Это самая объемная моя работа этого плана.

Я переводил преимущественно испано-язычную литературу – поэзию и прозу испанских и латиноамериканских авторов, в основном это были поэты XIX и, особенно, XX века. Но занимался и переводами поэтов средневекового периода и эпохи Ренессанса, например, старинных испанских песен. Самые крупные мои работы в жанре эссеистики – это С. Зонтаг (с английского), Октавио Пас и Ортега-и-Гассет (с испанского), Чеслав Милош (с польского), Анри Мишо, Ив Бонфуа, Филипп Жакоте (с французского), Фернандо Пессоа (с португальского). Последний автор – замечательный, самый великий португальский поэт и эссеист. Его фамилия означает «персона», и это не псевдоним, хотя у него было несколько десятков псевдонимов, и он обожал эти игры. Не менее примечательна биография и творчество еще одного странного мастера эссеистики, философа Чорана. Он родился в Румынии, какое-то время писал на родном языке, затем перед Второй мировой войной переехал во Францию, перешел на французский язык и больше никогда не писал на румынском. Его я переводил довольно много – эссе, записные книжки, афоризмы. Это был большой пессимист, скептически относившийся к прогрессу, к духу, который владел Европой на протяжении XIX-XX веков, человек очень тяжелый, внутренне переломанный. В 1930-е годы он примыкал к румынским националистам, в какой-то мере близким к фашистам, но никогда не состоял в нацистской партии, в отличие от его друга Мирчи Элиаде. Потом он жестоко в этом раскаивался, во второй половине жизни пытался многое искупить. Хотя в ошибках и грехах молодости никогда публично не каялся. Надо заметить, что те люди, которые в Европе 1930-х годов были националистами и даже

фашистами, никогда не приносили покаяния. В отличие от них левые – коммунисты, социалисты, после 1953-1956 годов, особенно, после разоблачения культа личности и венгерских событий, калялись в собственных ошибках и заблуждениях. В книге Чеслава Милоша «Порабощенный разум» идет речь о том, как устроено человеческое сознание, с пронзительной силой раскрывается эволюция разума: психологический механизм соблазна коммунизмом, переход к разочарованию и покаянию. Милош не был партийным идеологом или активистом, он лишь кратковременно участвовал в общем движении, был частью системы социалистической Польши, а позже искупал свое кратковременное участие в этих процессах. Люди левого направления калялись. Но вот соблазненные фашизмом, насколько я знаю, такого публичного покаяния не приносили. Почему так происходит – эта проблема занимает меня, но ответа на нее у меня нет.

- Перейдем от художественного постижения реальности к научному. Какова роль социологии в изменении человека и общества применительно к нынешней российской ситуации?

- Серьезным и неизменным убеждением коллектива Левада-Центра является то, что выразил сам Ю.А. Левада: социология работает на самопонимание общества. Обществу традиционному, иерархическому, кастовому, сословному социология не нужна, она там и не появляется. Социология возникает в обществе, где разнообразие выступает в качестве основы социальных отношений, где выбор осуществляется людьми постоянно. В таких условиях нужен инструмент, позволяющий понять, как устроен, на чем держится социальный порядок, что такое социальные интересы, взаимность, взаимодействие, ориентация на успех, достижение, почему одни люди – при всех различиях – «не едят» других, а оказываются в них заинтересованы? Что такое признание значимости всего целого, которое обеспечивает людям успех? Идея признания и вознаграждения успеха обладает высоким потенциалом для развития общества, поскольку поддерживается и вознаграждается не просто успех отдельного человека, а весь склад об-

щества, такой тип устройства общей жизни, который выявляет, стимулирует и формирует лучших. Кого-то такое общество награждает медалью, кого-то материально. Важно, чтобы в саму структуру общества были встроены способы или механизмы постоянного самосовершенствования, равно как и механизмы защиты от деградации, одичания. К сожалению, последние тенденции – тяга к упрощению и, далее, ухудшению и вырождению – наблюдаются в нынешней России.

- Как происходит набор кадров в ваш Центр?

- Молодые специалисты попадают к нам разными путями, в основном приходят сами, ориентируясь на наш сайт, где постоянно обновляется информация о центре, его работе, вакансиях, потребностях и т.д. Молодые социологи и представители смежных профессий постоянно присылают нам свои предложения. Мы сотрудничаем с различными вузами, готовящими социологов, в частности, с Государственным университетом Высшая школа экономики (ГУ - ВШЭ), с Московской высшей школой социальных и экономических наук. Мы постоянно ищем все новые формы сотрудничества с учебными организациями в этом плане. Сами мы тоже не закрыты для преподавательской деятельности, хотя из-за большой загруженности исследовательской работой постоянной педагогической деятельностью не занимаемся. Мы читали курсы лекций в Институте Европейских культур при РГГУ, в Московской школе социальных и экономических наук у Т. Шанина, Л.Д. Гудков – по политической социологии, я – по социологии интеллектуальных групп и движений. Некоторые наши студенты продолжили карьеру в нашем центре.

Сегодня в России – стране с таким количеством социальных проблем и такой необходимостью в социологии, пусть и не признанной, должна быть другая, более серьезная и качественная система профессиональной подготовки социологов. Отчасти в преподавании социологии сейчас повторяется тот же ход, что и применялся на начальных этапах ее укоренения в советской науке в 1960-е годы: доминирует стремление использовать

готовую модель западной социологии. Это не совсем правильно и не всегда дает результат. На Западе проблемы создания современных институциональных структур в основном решены, наиболее актуальными являются проблемы их поддержания и сохранения качества. В странах же, только вступивших на путь создания современного общества, насущными являются совсем другие проблемы, следовательно, и задачи социологии должны быть иными. Нужны другие теоретические концепции, возможно, другой социологический аппарат и инструментарий. Разработкой теоретических основ исследования российского общества и соответствующих инструментов познания Левада-Центр занимается постоянно, начиная с самого момента его создания, и особенно интенсивно – в рамках многолетнего проекта «Советский человек», в ходе исследования российских элитных групп, которое мы провели в 2006-2006 году и намерены продолжить. Систематическое обновление методологии, корректировка и оттачивание социологического инструментария направлено на изучение специфики российского общества, его проблем, его дефицитов. Это реальное живое исследование происходящего на наших глазах процесса, но одновременно, выработка оптики для рассмотрения тех или иных объектов анализа.

- Не могли бы Вы рассказать об имеющемся у Вас опыте взаимодействия с другими социологическими центрами, такими как ВЦИОМ?

- В 2003 г. властные структуры решили изменить направление работы ВЦИОМа, сделать центр карманным инструментом для утверждения средствами науки той политики, которую проводит власть. Центру было сверху предложено сменить директора или дать ему в помощники, как это было сформулировано, опытного менеджера для большей экономической эффективности, создать другой Совет при директоре и т.д. Когда мы поняли, что возможности взаимопонимания тут нет, мы в полном составе ушли из ВЦИОМа и организовали самостоятельную структуру, которую на тот момент называли ВЦИОМ-А. Через некоторое время ВЦИОМ предъявил

нам юридические требования, обвинив в использовании их торговой марки. Пришлось отказаться от старого названия. После долгого сопротивления Ю.А. Левады мы его убедили и утвердили название Аналитического Центра Левады – «Левада-Центр». Нас заставили сменить и название журнала, в котором мы публиковали результаты наших исследований. Бренд «Мониторинг общественного мнения» был объявлен принадлежащим новоявленному ВЦИОМу. Мы выпускаем теперь «Вестник общественного мнения», в котором сохранили прежнюю структуру и редколлегия.

Поэтому с нынешним ВЦИОМом мы не имеем ничего общего и взаимодействия между нами нет никакого. Некоторые крупные центры исследования общественного мнения, например, ФОМ, представляют собой структуры, родившиеся в недрах нашего центра, но на определенном этапе его развития ставшие на самостоятельный путь. Для них характерна ориентация на стандартизацию методики, на рынок, в том числе на заказ со стороны различных структур действующей власти. Они избрали иную стратегию существования, поведения, исследования, развития. Мы, как я уже говорил, открыты для взаимодействия с самыми разными организациями. Но взаимодействие между подгруппами российских социологов составляет определенную проблему. Она не была решена и никак не решается в настоящее время. Слишком живы те переживания, чувства, мысли, которые владели людьми в момент разрыва, когда отдельные части нашего единого организма отрывались и становились самостоятельными. То время и последствия тех событий еще не осмыслены, хотя некоторые факты организационного оформления нескольких центров из прежде единого ВЦИОМа уже стали предметом публикаций. Так, появились воспоминания Т.И. Заславской об образовании ФОМа, заметки некоторых других авторов. Существует еще ряд организаций, которые выходили из нашего ВЦИОМа. Организация научного сообщества в целом, и взаимодействие между разными социологическими центрами исследования общественного мнения, в частности, - это целый пучок проблем. К сожалению, не

видно, чтобы кто-то стремился к решению этих проблем. Возможно, для этого еще не пришло время, а возможно, для этого не хватает голов.

- В Ваших многочисленных публикациях на социально-политические темы (например, «Симулятивная власть и церемониальная политика. Политическая культура современной России» (ВОМ, 2007, №1) Вы ставите довольно печальный диагноз нашему обществу. Есть ли какие-то тенденции развития общественных настроений в сторону либерально-демократических идей?

Безусловно, кое-какие подвижки есть, но лишь в некоторых областях жизни. Довольно большие сдвиги произошли в сферах, максимально далеких от власти: в определенных отраслях бизнеса – от «серьезного» до развлекательного (хотя бы модельного или туристического), в структурах, связанных с коммуникативными и иными технологиями (скажем, в Интернете), ряде других. У людей, включенных в такого рода бизнес, есть ощущение, что они живут в современном мире, без «железного занавеса» и жестких границ, что они делают то же, что делают люди этих же отраслей в любых странах мира – Новой Зеландии, Франции и т.д. В некоторой степени это же можно сказать о людях, которые занимаются науками, по большей части естественными, техническими, но и отдельными гуманитарными. Это науки, максимально свободные от идеологии, например, лингвистика, сравнительное языкознание, некоторые другие. Представители этих наук могут сказать, что они – «ученые мира». Сегодня они выступают на конференции в Австралии, завтра – в Германии или Сингапуре. Они переписываются с коллегами из многих стран мира, публикуют результаты своих научных исследований в зарубежных журналах и т.д. Но чем ближе сфера деятельности к антропологическому, социально-политическому, идеологическому ядру общества – либо советского, либо русского националистического типа, чем ближе к авторитарно-иерархической власти, тем больше в представлениях и настроениях людей упор на изоляции, идеологии особого пути России, тем сильнее стереотипы «осаж-

денной крепости» и «нам не нужно ничего чужого». Многие изменилось для молодежи – можно стало иначе работать и хорошо зарабатывать, появились возможности выезжать за рубеж, отдыхать, качественно и недорого развлекаться. Не знаю, как в Екатеринбурге, а в Москве клубы, дорогие рестораны, кафе, эстрадные залы не пустуют, они заполнены людьми молодого и среднего возраста, хорошо одетыми, имеющими средства. Эти люди начали понимать, что есть что, начали разбираться в том, что им предлагают, и не только в еде, товарах или услугах, но даже в музыке или литературе. Они становятся способными осуществить выбор со знанием дела. Показательно, что к концу 1990-х годов появилась модная литература – и отечественная, и переводная. Она многочисленна и довольно разнообразна по предложению: есть литература для девочек, женский роман, детектив, в том числе исторический, акунинского типа, и многое другое. Ничего такого не было в 1970-е и даже в 1980-е годы. Появилось и качественное фестивальное кино, его не было в середине девяностых, во времена развала советского кинематографа, развала во всех смыслах – идеологическом, организационном, финансовом.

Таким образом, подвижки есть. Однако необходимо отметить три момента. 1. Эти подвижки не затрагивают системы власти, общей организации социальной жизни и работы крупных средств массовой коммуникации. 2. Многие изменения, ориентирующиеся на сравнительно новые образцы, имеют характер имитации – «как на Западе», «как у больших», «как в развитых, цивилизованных странах», «как принято у интеллектуалов». По большей части, это все-таки некоторая игра. 3. Другая часть этих новаций имеет клубный, кружковый, компанейский характер, и не хочет быть иной.

В этом смысле можно начать перечислять то, что не произошло. В России не образовалось и до сих пор крайне слабо формируется то, что называется «публичное поле» – пространство, в котором постоянно выражаются, конкурируют, взаимодействуют разные точки зрения, представляющие те или иные группы

населения, разные образцы культуры, религиозные ориентации, моральные ценности и оценки. Это поле не равнозначно работе основных каналов телевидения. Публичная сфера – это принципиально другое явление, оно ориентируется не на массового человека, не на такого, «как все», но на человека выбирающего, ищущего. Такого публичного пространства нет и в области науки, за исключением очень специализированных научных сообществ – математического, возможно, физического, каких-то других. В гуманитарном знании – филологии, философии, социальных науках, насколько я знаю, также нет консолидированного научного сообщества, поскольку иначе оно бы себя выражало тем или иным образом. В сообществах этих отраслей науки отсутствуют коллективная этика, борьба мнений, коллективная солидарность. Это сообщество не может само себя защитить, оно податливо к внешнему давлению и со стороны власти, и со стороны денег, и со стороны внешнего успеха – возможности блистать, показываться и т.д.

Это то, что касается так называемых элит, точнее, по характеристике Ю.А. Левады, «тех, кого власть назначила или допустила быть элитой». Но знающие люди понимают, что элитой назначить нельзя. Тем не менее, приходится иметь дело с этими социальными группами. Мы давно занимаемся исследованиями элит, достаточно обширное исследование мы провели в 2005-2006 годах, опрашивали власть выборную и назначенную, бизнес-элиту и военную – в той мере, в какой это было для нас доступно, занимались анализом интеллектуальной элиты. Итоги исследования, описанные нами в книге, можно кратко выразить так. У власти и приближенных к ней «элитных» групп нет, как они считают, причин для тревоги, они не опасаются, что Россия может остаться на обочине мировой цивилизации, в целом они уверены в достаточно благополучном будущем. Общий настрой большинства представителей власти можно выразить следующим образом: «Пусть будет демократия и реформы, но когда-нибудь потом, постепенно, не сейчас». К сожалению, большинство элитных групп не обладают необходимыми для

соответствия своему названию характеристиками: а) самостоятельностью, независимостью, б) влиятельностью, авторитетностью, в) способностью воспроизводиться независимо от поддержки власти. Эти группы существуют и действуют в «коротком времени» и не уверены, что оно продлится. Это диктует особый стиль существования – «сегодня, здесь, сейчас». Главное – не упустить предоставляющиеся им конъюнктурой шансы. Они (по крайней мере, на словах) уверены, что власть, которая есть сейчас в России, – это власть реформаторская. Но «реформы» не должны влиять на их сегодняшний статус, не должны приносить никаких неожиданностей. У людей, находящихся на самом верху, нет надлежащей экспертной команды, которая могла бы выносить на публичное обсуждение те или иные проблемы, вопросы возможности различных стратегий и путей социально-политического развития России, цену каждого из этих путей, технологии этого движения. Так, многие представители элитных групп говорят об особом пути России, но что это за путь, кто его прокладывает, каковы технологии его реализации и т.д. – конкретизация этих суждений полностью отсутствует. Таким образом, об элитах в нашей стране можно говорить с очень большими оговорками. Конечно, внутри элитных групп существуют группы высокообразованных специалистов, занимающих критическую позицию по отношению к сегодняшнему политическому курсу, но они все больше оттесняются от центров принятия решений, от публичной сферы, от СМИ, от возможности влиять на положение дел и развитие страны.

Что касается массы, то для нее в не меньшей степени, чем для элитных групп, характерно стремление сохраниться. Преобладающая часть населения не против того, чтобы жить лучше, но главное – «не хуже, чем сейчас». Сама угроза того, что может быть хуже, чем сейчас, останавливает стремление и попытки что-то делать. «А вдруг будет хуже?» – это работает как механизм сдерживания активных действий. Такие настроения населения вполне устраивают власть и позволяют ей заниматься укреплением собственного статуса, перерасп-

ределением и присвоением ресурсов. Власти всех уровней занимаются вовсе не тем, чтобы обеспечить движение России в демократическом направлении и вписаться в мировую систему. Привыкание, адаптация, нежелание терять то, что есть, которое влечет за собой нежелание рисковать, ставить действительно серьезные дальние цели и осмысленно тратить на их реализацию значительные средства – вот доминирующие установки так называемых элит. Получается, что в этом важнейшем отношении настроения элитных групп и большинства населения совпадают.

- Борис Владимирович, как на Ваш взгляд, есть ли связь между политической пассивностью населения и состоянием массовой культуры в сегодняшней России?

- С массовой культурой у нас не все так просто и ясно. Говоря о нынешней ситуации, я бы выделил три важных момента. Во-первых, сохраняются остатки государственной, «директивной», как ее называл Ю.А. Левада, массовой культуры – в системе образования, особенно в средней и высшей школе, ряде других подсистем общества. В СССР господствовала массовая государственная культура, единая для всех, которую государство тотально и последовательно внедряло через все каналы. Ситуация 1990-2000-х годов принципиально другая, более сложная. Характерной особенностью советского наследия является ориентация на консервацию наличного типа отношений между людьми – взаимодействия, опосредованного властью. Даже индивидуальная или групповая самоидентификация могла быть достигнута лишь через идентификацию с властью. В этой культуре отсутствует встроенный механизм культуры, нацеленный на улучшение, усовершенствование, повышение качества взаимодействия с любым Другим. Эта культура не ориентирована на продуктивность, ее образцом был и во многом остается советский человек, который уже «достиг» уровня планируемого идеала, он и так «лучше всех». Во-вторых, впервые в российской истории общество столкнулось с массово-развлекательной культурой – якобы западного типа. Массово-развлекательная культура поставляет и пытается воспроиз-

водить образцы на западный манер, но попытки прямого перенесения оборачиваются их трансформацией на здешний лад. Американские боевики предстают в виде боевиков о российской милиции, российские сериалы обрастают местной спецификой. На самом деле вся эта продукция показывает нечто иное по сравнению с исходными образцами: развал прежней репрессивной системы. Невозможно найти какое-то моральное основание для работы этих органов в нынешней ситуации. В отечественных боевиках и сериалах преступник ничем не отличается от милиционера, тот, кто убегает, от того, кто его преследует. Население боится и тех, и других. В-третьих, стремительно входит в жизнь культура новых обеспеченных – культура мейнстрима. В максимальной степени она начала проявляться где-то после 2003-2004 года, во время второго президентского срока Путина. Ее можно назвать еще «культурой глянца», или «дегустирующей культурой». Эту культуру не интересует не только политика, но даже проблематика активного ответственного субъекта, только который и может быть моральным субъектом, субъектом культуры, который во что-то верит, что-то отстаивает, к чему-то стремится. Дегустирующая культура говорит: «Пробуй всё!» Она и предлагает всё – восточную кухню, латино-американский танец и т.д. и т.п.

Главной, почти доминирующей сегодня в России темой массовой культуры является тема жестокости, насилия. Насилие становится своего рода кодом общества, в котором ситуация социального взаимодействия понимается как принципиально неравновесная, а потому и не разрешимая иным, ненасильственным образом. Героизация насилия достигает такой степени, что ситуация неравновесия консервируется, культивируется и воспроизводится в сети социальных связей. Начальник и подчиненный, отец и сын, мать и дочь, муж и жена, парень и девушка – во всех этих отношениях один партнер стремится подчинить себе другого, отказывает ему в праве отличаться, иметь свое мнение, поступать по своему – то есть быть человеком, субъектом, обладать самостоятельностью.

В романе Захара Прилепина «Патологии», выпадающем из нескончаемого ряда «произведений» массового читателя, эта тенденция заострена до предела: не только у жертвы отнято право быть человеком, но и в насилии происходит онемение человеческого. Тем самым осуществляется переворачивание оптики, фиксируется смерть человеческого.

Ситуация в литературе непростая. Во второй половине 1990-х – в 2000-х годах стало очевидно, что население предпочитает женский детектив. Почему? В женском романе тоже дается картинка нынешнего общества, но глазами женщины: там меньше агрессии, жестокости, человеконенавистничества, нет демонстративного разрушения человеческого тела, мужского жлобства, насилие предстает в смягченной форме. Получается мягкий вариант социального романа о современной России... При возросшем числе первых изданий, при гигантских тиражах книг отмечается резкое сокращение домашних библиотек, упразднение литературной критики и класса критиков, фигуры эксперта как таковой. Сошла на нет роль интеллигенции, взаимодействие нецивилизованной власти и такого же населения никем и ничем не опосредованы. В публичной культуре отсутствуют образцы, интегрирующие общество вокруг универсальных ценностей. Сам ввод образцов оказывается случайным – он осуществляется гламурным журналом, звездой масс-медиа и поп-культуры, магазинами, ориентирующими на «лидера продаж». Эти каналы остаются для читателей и зрителей единственными поводьями по миру художественной и иной культуры, утверждающими те или иные символы успеха, образа жизни и т.п. Однако гламурный журнал или Интернет в лучшем случае демонстрируют нормы внешней цивилизованности, но никак не внутренние моральные, нравственные принципы поведения. Акцентируются внешние признаки и атрибуты успеха, но не смысловые, ценностные мотивы жизни, не индивидуальность героев, не способность к серьезным поступкам, не субъективность. То же самое происходит в музыке и театре. Культура становится придатком массовых коммуникативных технологий,

отсюда ее сериальность и однообразие, а вместе с тем – ее агрессивная броскость. И все же чтение, слушание музыки или посещение театра не встает ни в какие масштабы с телевидением.

Роль пассивного телезрителя сегодня – это политическая роль. Он не должен вникать в политику, его дело – пойти за единственным кандидатом, указанным властью. Это целенаправленное влияние власти. Но есть и встречное движение со стороны менеджеров ТВ. С 1993 г. лидеры ТВ – наиболее молодые, способные, карьерно ориентированные, пошли в эту сторону: развлекать любым способом, «не грузить», возвращать советское кино, причем самое одиозное – про разведчиков и т.п. Это продукт соглашения власти и лидеров ТВ. Особенно явным это становится в предвыборные периоды.

- Как Вы оцениваете имеющиеся в настоящее время попытки консолидации демократических сил?

- Несмотря на доминирующее мнение, я не считаю эти попытки безнадежными и ценю их. Однако не вижу их системности, их серьезного влияния, того, что с ними считаются те, кто принимает решения. Тем не менее, эти попытки, по-моему, стоит всячески поддерживать. Если говорить о какой-то стратегии продемократических, прореформаторских сил, то среди главных направлений их деятельности хотелось бы видеть максимальное увеличение политического, цивилизационного, культурного, даже религиозного разнообразия. Главное – увеличение реально действующих социальных групп, их лидеров, форм социального действия, числа политических субъектов. Только в таком социальном пространстве, где есть взаимодействие между различными социальными и политическими субъектами, могут возникать, укрепляться, реализоваться идеи демократии. Демократические идеи рождаются ведь не от того, что в обществе есть какие-то особо чистые и совестливые социальные классы. Скорее, такие идеи возникают в условиях социального разнообразия, в ситуации необходимости выработать общие правила поведения в свободном пространстве. Это не

правила в общей камере, в ситуации всеобщей несвободы. Демократия возникает в свободном пространстве, в кооперации, сравнении и выборе разных путей развития. Демократия тем и отличается ото всего, что может придумать один человек, сидящий в высоком кресле, – выработкой и поддержанием общих правил игры для разных социальных слоев, множества групп и социальных субъектов. В этом смысле достойны всяческой поддержки любые попытки консолидации, выработки общих программ, создания общих площадок для обсуждения правил социального сосуществования, в том числе, для дискуссий о тупиковых путях развития.

XX век показал, что бывают разные пути движения, случаются отступления от намеченного пути, причем длительные, и зачастую впоследствии нужны гигантские усилия, чтобы вернуться на нужную дорогу. Обсуждать, взвешивать, анализировать нужно разные варианты стратегии. Демократическая система не идеальна, но она позволяет в максимальной степени согласовывать представления о будущем и интересы разных групп населения. Она боится от многих вещей – от злоупотреблений власти, от дирижизма в экономике, от вождизма в политике. Она в большей мере, чем другие стратегии и системы, хотя и не на 100 или даже 80%, способна удержать страну от тупикового пути, от того, чтобы подойти к краю, а то и сорваться с него вниз.

- Значит, особую значимость сегодня приобретают ментальные установки людей?

- Важные и самые главные вопросы – вопросы культуры, морали, ментальных структур, антропологии человека. Это не вопрос политических технологий. Это вопросы самой конструкции человека: как он представляет себе другого человека, готов ли работать во взаимодействии с другим, интересно ли ему с ним, понимает ли, что они – разные люди. Каким российский человек сегодня? Технология тоталитаризма советского времени была нацелена на то, чтобы раздробить человека. Только из людей в «песчаном» состоянии можно лепить куличики, угодные власти. Долго ли

они продержатся – вопрос второстепенный. Такой человек – тяжелое наследие, которое весьма сильно сказывается и в постсоветской ситуации. Мы имеем дело с громадным социальным недоверием людей к любым «другим» – этническим, религиозным, по социальному положению, по политическим взглядам и т.д. Вместе с тем для сегодняшнего россиянина характерно стойкое недоверие и к социальным формам жизни, которые объединяют людей, – к большинству социальных и политических институтов. Кому-то за тем или иным социальным институтом видится единогласие, кто-то опасается обзаводки, диктата советского типа. Больше (по крайней мере, на словах) население доверяет несовременным, архаическим социальным формам организации общества – вождистским, иерархическим, властным, либо неформальным, родственным, свойским. Поэтому в сфере относительного доверия находится армия, русская православная церковь и фигура Президента. Последнее – не как политическое избранное лицо, не как чиновник на службе общества, но как фигура Сверхвласти, как символ воображаемого единства всех. К реальному социальному взаимодействию люди не готовы, а к установлению символического единства, признанию «Мы» через фигуру «номер один» – готовы, поскольку это значительно легче. Признать себя «Мы» через механизм «Мы – особые» – еще один характерный признак сегодняшнего россиянина. Л. Гудков это называет негативной идентификацией. Это можно выразить так: «Мы никому не нужны, и нам никто не нужен». С этим связана и установка на изоляционизм. Людей в этом случае объединяет идея особого пути страны, образ России как осажденной крепости, окруженной врагами. Еще одной такой формой воображаемого объединения для большей части российского населения является телевидение. Но и здесь создается некое «как будто бы» единство.

- И все же наблюдаются ли в обществе, в литературе, искусстве какие-то признаки позитивных изменений, внушает ли что-то надежду?

- Я бы не говорил о надежде, поскольку это влечет за собой христианскую идею

спасения (которой в нынешнем российском сознании нет), либо, в случае разочарований, обостряет катастрофическое сознание, способно даже повергнуть в панику, я бы говорил о возможном начале. Под началом я подразумеваю утверждение новых ценностей, развитие новых инициатив – создание клубов,

кружков, многообразных микроструктур общества, имеющих не родственный и не властный характер. Именно они содержат социокультурные возможности прорастания другого человека. Узел проблем – в человеке, той форме, которую идея человека приняла в советской и постсоветской России.

ГОЛУБОЙ ДИСКУРС В ФИЛОСОФИИ ИЛИ КАК ВОЗМОЖНА МУЖСКАЯ-ЖЕНСКАЯ ГОМОСОФИЯ

С.Н. Некрасов

Некрасов
Станислав Николаевич

доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
философии УрГСХА

Геевская жизнь по своей природе является философской... Это люди, которые должны изобретать себя... Когда человек открывает, что он гей, он должен выбрать все, начиная с походки, одежды и манеры разговаривать и кончая тем, где жить, с кем и на каких условиях.

Эдмунд Уайт.

«Манифест гомосексуальной философии» впервые опубликован в книге Алексея Нилогова «Сплошной ressentiment» (2005).

2 июля 2005 года. Провозглашение радикальных лозунгов с молодым задором начинающего автора дает повод к переосмыслению привычных представлений.

«Что такое ГОМОСОФИЯ (от греческих *homos* 'одинаковый, равный, тот же' и *sophia* 'мудрость')?»

Во-первых, пуск слова, влекущий за собой череду оральных ассоциаций пропаганды гомосексуальной парадигмы: сексуальных выкриков (трахофония), диалектику и полилектику молчания (антиязык), минетствующего

и онанистического сомнения («минето- и *suicogito*»).

Во-вторых, гомосексуальная лихорадка философствования, помогающая преодолевать стереотипы однополых отношений.

В-третьих, философское осмысление гомосексуальной любви в лоне бесконечного влечения к модели истины.

В-четвертых, нарциссическое сожительство, ревниво перерастающее в человеконенавистничество и автомизантропизм.

В-пятых, гомосексуализм как гуманизм, направленный на дальнейшее освобождение человеческой личности из-под гнета дискриминации по сексуальной ориентации, упрочение духа толерантности и постчеловечности.

В-шестых, пангомосексуализм в теории философического терроризма и практике презентации апокалипсиса – преображенческого конца мира в концептивизме зороастризма.

В-седьмых, борьба с гомосексизмом – конкуренцией прав гомосексуалов в гомосексуальной среде (на примере запрета вступать в половые отношения до заключения брака).

В-восьмых, гомосексуализм в традиции постчеловечности (разработка генных технологий, «позволяющих гомосексуальным парам иметь собственных детей» – Г.Л. Тульчинский) и постгомосексуализм в постмодернизме (влечение-к-человеку-в-трансгрессии) и постчеловеческой персонологии (противоестественный гомосексуализм, эгосексуализм).